

DOI: 10.31857/S086919080009910-8

ЗАМЕТКИ О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДИНАСТИИ АТТАЛИДОВ
(ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)*

© 2020

О.Л. ГАБЕЛКО ^a, О.Ю. КЛИМОВ ^b^a – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8321-9195; Researcher ID: S-4667-2017; gabelko@mail.ru^b – Санкт-Петербургский государственный университет, СПб., Россия
ORCID 0000-0002-8379-5456; Researcher ID: F-9037-2015; o.klimov@spbu.ru

Резюме: В статье рассматриваются некоторые аспекты становления и идеологического обоснования власти первых трех представителей династии Пергамского царства – Филетера (283–263), Эвмена I (263–241) и Атталы I (241–197). Критическому анализу подвергнуты данные античных источников о дипломатической деятельности первых Атталидов, их брачно-династической политике, пропаганде, обстоятельствах и датировке принятия царского титула Атталом I и даже самом названии династии.

Главной особенностью этого правящего дома было то, что его представители изначально не обладали знатным происхождением и значимым политическим статусом. Фактический основатель династии евнух Филетер происходил из захолустного городка Тиос на северо-западе Малой Азии, в его жилах, судя по всему, текла пафлагонская кровь. Филетер пришел к власти в Пергаме, обманом захватив казну диадоха Лисимаха, но был вынужден декларировать свою формальную зависимость от Селевка Никатора, а затем от Антиоха I. Ему было необходимо лавировать и исподволь проводить политику, направленную на достижение реальной независимости от Селевкидов, прежде всего укрепляя свой авторитет поддержкой греческих полисов. Усыновленный племянник Филетера Эвмен I в самом начале своего правления разбил Антиоха I, тем не менее он не считал возможным провозгласить себя царем; собственная династическая эра в Пергаме также не была учреждена. Первым принял царский титул только Аттал I, однако реальным основанием к тому стало скорее всего его происхождение по материнской линии от Селевкидов. Кроме того, Полибий, Ливий и Страбон, видимо, неточны, когда относят его официальное воцарение к первому же году его правления. Поводом к этой акции могла стать победа Атталы не над галатами, как это широко пропагандировалось впоследствии, а над Селевкидом Антиохом Гиераксом.

Вся эта информация наглядно демонстрирует своеобразие пергамской монархической власти как специфического варианта эллинистической государственности.

Ключевые слова: Атталиды, Пергам, эллинизм, Селевкиды, царская власть, легитимизация, легитимизация, летоисчисление, дипломатия, брачно-династическая политика, пропаганда.

Для цитирования: Габелко О.Л., Климов О.Ю. Заметки о начальной истории династии Атталидов (политико-правовой и хронологический аспекты). *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 35–50. DOI: 10.31857/S086919080009910-8

THE NOTES ON THE EARLY HISTORY OF THE ATTALID DYNASTY
(POLITICAL, LEGAL AND CHRONOLOGICAL ASPECTS)*

© 2020

Oleg L. GABELKO ^a, Oleg. Yu. KLIMOV ^b^a – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8321-9195; Researcher ID: S-4667-2017; gabelko@mail.ru^b – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
ORCID 0000-0002-8379-5456; Researcher ID: F-9037-2015; o.klimov@spbu.ru

* Работа О.Л. Габелко выполнена в рамках гранта РФФ 19-18-00549 «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках».

Abstract: The article discusses some aspects of the formation and ideological justification of the power of the first three representatives of the Attalid dynasty of Pergamon – Philetaerus (283–263 BC), Eumenes I (263–241 BC) and Attalus I (241–197 BC).

The main feature of this ruling house was that its representatives initially did not have a noble background and significant political status. The actual founder of the dynasty, eunuch Philetaerus, was a native of small town of Tios in the North-West of Asia Minor; apparently, he had the Paphlagon blood in his veins. He came to power in Pergamon, deceiving the treasury of the diadoch Lysimachus, but was forced to declare his formal dependence on Seleucus Nicator and then on Antiochus I. He had to maneuver and gradually pursue a policy aimed at achieving real independence from the Seleucids, first of all, strengthening his authority by supporting the Greek *poleis*. His adopted nephew Eumenes I defeated Antiochus I at the very beginning of his rule, but, nevertheless, he did not consider it possible to proclaim himself king; the own dynastic era was also not established in Pergamon. Only Attalus I was the initial to accept the royal title, however, the main reason for this was, most likely, his maternal lineage from the Seleucids. In addition, Polybius, Livy and Strabo are apparently inaccurate when dating back Attalus' official accession to the very first year of his power. The reason for this action could be his victory not over the Galatians, as it was widely promoted later, but over the Seleucid Antiochus Hierax. All this information clearly demonstrates the uniqueness of the Pergamon monarchical power as a specific variant of Hellenistic kingship.

Keywords: the Attalids, Pergamon, Hellenism, the Seleucids, kingship, legitimation, year reckoning, diplomacy, matrimonial politics, propaganda.

For citation: Gabelko O.L., Klimov O.Yu. The Notes on the Early History of the Attalid Dynasty (Political, Legal and Chronological Aspects). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 35–50. DOI: 10.31857/S086919080009910-8

– Взманили почести и знатность?

– Нет-с, свой талант у всех...

– У вас?

– Два-с: умеренность и аккуратность.

А.С. Грибоедов. «Горе от ума»

Своеобразие государственного устройства, созданного Атталидами¹ в Пергаме, давно было отмечено в историографии. Одна из важнейших его черт состоит прежде всего в том, что Пергамское царство возникло на основе одного полиса², ставшего впоследствии центром державы, причем представители династии изначально даже не имели в нем гражданских прав [Климов, 2010, с. 347]³. Данная особенность не могла не наложить отпечаток на политико-правовое положение правящего дома Пергама, которое неизбежно должно было проявляться, в том числе и в вопросах, связанных с хронологическими и политико-правовыми аспектами династической истории Атталидов. Некоторые из них будут рассмотрены в данной статье.

¹ Необходимо сразу же подчеркнуть тот далеко не всегда принимаемый во внимание факт, что это название, активно применяемое в современной науке и сконструированное по широко распространенному в античности образцу, применявшемуся как к грекам, так и к варварам (потомки Атрея – Атриды, Селевка – Селевкиды, Ахемена – Ахемениды, Аршака – Аршакиды и т.п.), на самом деле не аутентично; см. далее. Забавно, что, согласно лексикографу Гесихию (s.v.), атталиды (*ἄτταλίδες*) – это сорт сладкой лепешки или пирожного, видимо «изобретенный» при пергамском царском дворе.

² Стоит отметить, что Пергам изначально даже не был греческим городом [Hansen, 1971, p. 4–13; Климов, 2010, с. 34–45], и потому его эволюция к полисному статусу и превращение фактически в культурно-цивилизационный символ эллинизма также должны расцениваться как довольно парадоксальное явление.

³ «Малой родиной» династии был городок Тиос/Тией в Пафлагонии, на северном побережье Анатолии, ничем иным не примечательный (Strabo. XII. 3. 8). С отцом Филетера Атталом связана еще одна загадка династии: каким образом носитель имени, обычно считающегося типично македонским [LGPV IV, p. 58 – 15 примеров непосредственно из Македонии], оказался еще до похода Александра в достаточно удаленном уголке Малой Азии? (см. [Billows, 1995, p. 104, n. 67; Kosmetatou, 2005, p. 160]).

Прежде всего, для ранних Атталидов особенно остро по сравнению с другими основателями эллинистических династий стояла задача легитимизации своей власти: они не отличались знатным происхождением⁴ или заметными воинскими заслугами; укрепились в Пергаме фактически с помощью измены; разбогатели, присвоив казну диадоха Лисимаха⁵, преданного Филетером – «архегетом»⁶ династии; пришли к суверенитету путем лукавого признания власти Селевка при тайном исподволь вынашиваемом намерении этой власти не подчиняться⁷. Известно, что формирование нового курса Филетера проявилось в конкретных политических действиях – во внешнем демонстративном проявлении покорности, подчеркнуто уважительном отношении к Селевку Никатору (Paus. I. 10. 4; Iust. XVII. 1. 7–8), а затем его останкам (App. Syr. 63), возможно, в поддержке Антиоха I в его борьбе с Северной лигой (Вифиния, Византий, Калхедон, Гераклея Понтийская, на короткое время – Антигон Гонат и, возможно, Митридат I Понтийский) в 280–279 гг.⁸ и в дальнейшем против галатов (OGIS 748)⁹ (в чем можно увидеть первые шаги по целенаправленному формированию имиджа пергамской династии как защитников эллиинства от варваров-кельтов). Показательны также легенда и изображения на чеканенных им монетах, напрямую связанные с селевкидской символикой¹⁰. Все перечисленные факты свидетельствуют о стремлении Филетера убедить Селевка, а затем Антиоха I в своей лояльности и преданности, что не мешало ему по собственному усмотрению распоряжаться казной Лисимаха, устанавливать прямые связи с полисами, делать дорогостоящие подарки городам и святилищам¹¹.

Положение Филетера в Пергаме с момента отпадения от Лисимаха не поддается однозначному определению. Некоторые исследователи считают, что Филетер, признавая внешне свою зависимость от Селевка I, а затем от Антиоха I, фактически превратился в самостоятельного правителя, который всячески прикрывал свою независимость внешними проявлениями лояльности [McShane, 1964, p. 30, 32–33; Allen, 1983, p. 13; Климов, 2010, с. 50–52]. При некотором смещении акцентов именно так могут быть трактованы все перечисленные выше свидетельства первых пергамско-селевкидских контактов. Другие же историки полагают, что статус Филетера возможно охарактеризовать как фор-

⁴ Филетера источники называют внухом, а некоторые указывают и на его наполовину варварское (пафлагонское) происхождение, притом что его мать Боа будто бы была флейтисткой и гетерой; см.: Strabo. XIII. 4. 1; Paus. I. 8.1; Caryst FHG IV 358 ap. Athen. XIII. 38 Kaibel; Lucian. Macrob. 12). Обращает на себя внимание появление слова Παφλαγονί in контексте династической истории Атталидов в «Хронике Пергама» (OGIS 264, стк. 15 – к сожалению, текст в этом месте поврежден).

⁵ Полибий отмечает, что у Аттала I, третьего представителя династии, «первоначально не было никаких внешних средств для достижения царской власти, кроме богатства» (XVIII. 41. 2–3; здесь и далее пер. Ф.Г. Мищенко, иногда с уточнениями).

⁶ Отметим необычность употребления Страбоном (XII. 3. 8) термина ἀρχηγέτης применительно к Филетеру: обычно этим словом географ именует мифических прародителей племен и народов, но никогда – реальных эллинистических правителей.

⁷ «Во время... смут внух продолжал оставаться начальником крепости и управлял городом, щедро раздавая обещания и прочие знаки внимания; причем он всегда оказывал эти любезности какому-нибудь властью имущему или тому, кто находился поблизости» (Strabo. XIII. 4. 1; здесь и далее перевод Г.А. Страгановского, иногда с уточнениями).

⁸ Здесь и далее все даты – до н.э.

⁹ Именно Филетер – основатель династии, а не его одноименный потомок (брат Эвмена II) упомянут в надписи с Делоса, где воспеваются его доблести (явно преувеличенная) в борьбе с галатами (IG XI [2] 1105). Монумент, несомненно, был воздвигнут позже, в правление Аттала I (см. резюме доклада Э. Косметату по этой теме – [Габелко, 2014, с. 381]).

¹⁰ См. о чекане Филетера: [Imhoof-Blümer, 1884; Newell, 1936; Westermarck, 1961; Hansen, 1971, p. 17, 217–218]. Сначала пергамский правитель выпускал тетрадрахмы александровского типа с легендой βασιλεύς Σελεύκου, а затем стал помещать на аверсе портрет Селевка Никатора и легенду Φιλεταίρου.

¹¹ О политике Филетера в целом см. [Hansen, 1971, p. 17–20; Allen, 1983, p. 11–20; Климов, 2010, с. 49–55]; особенно подробно: [Orth, 2008].

мальную зависимость от Селевка Никатора и Антиоха Сотера¹². Эта позиция получила свое радикальное выражение в недавних работах Б. Хрубасика, который считал, что Селевкиды и ранние Атталиды, в первую очередь Филетер, «правили совместно», что деятельность правителей Пергама осуществлялась в рамках политики Селевкидов и в интересах последних¹³. Для корректной интерпретации политико-правовых мероприятий Филетера и двух его ближайших преемников стоит обратить преимущественное внимание не на степень фактической самостоятельности первого правителя Пергама (которая безусловно прослеживается в его финансовой, строительной, религиозной и отчасти даже внешнеполитической деятельности) [Kobes, 1996, S. 131–133], а именно на его формально-юридический статус: наиболее вероятным кажется, что он сводился к официальному подчинению Селевкидам. Весьма любопытным выглядит предположение, высказанное в развитие этого тезиса, будто после смерти Филетера (у которого в силу естественных причин не могло быть «нормального» наследника) его владения, согласно предварительной договоренности, должны были перейти к Селевкидам [Kobes, 1996, S. 133–134]. Строго говоря, в источниках нет надежных свидетельств о подобной договоренности, но на это, вероятно, указывает, в частности, сам факт конфликта между Антиохом I Сотером и преемником Филетера, его усыновленным племянником Эвменом I¹⁴, в 262 г., т.е. практически сразу же после смерти Филетера: можно представить, что Эвмен отказался выполнить гипотетически названный «пункт завещания» своего предшественника (на деле, конечно, не стремившегося к его реализации), и это привело к конфликту между ним и возмущенным Антиохом¹⁵.

Филетер и Эвмен I понимали двусмысленность и неустойчивость своего положения и потому не позиционировали себя как царей, тиранов, династов или обладателей иных властных титулов, будучи вынуждены лавировать между более сильными державами. Показательно, что оба правителя в официальных текстах фигурируют исключительно как частные лица: упоминаются только их личные имена, иногда с патронимиком (Филетер: OGIS 748 стк. 1¹⁶; Эвмен: OGIS 266, сткк. 1, 27, 28, 32, 35, 39, 43–44, 46–47, 49, 52; 267, I, стк. 1, II, сткк. 22, 24, 25, 30, 33, 35, 37). Немаловажным фактором, объясняющим отказ от принятия властного титула, служил очень скромный размер владения, которое оказалось в руках Филетера: фактически первоначально это была территория города Пергама с незначительной частью долины реки Каик¹⁷. Так что в течение долгого времени главными факторами, предопределявшими положение Атталидов, были обстоятельства из сферы «реальной политики»: военная слабость, уязвимость власти и проистекающая отсюда желание проводить свою политику скрытно, не афишируя ее широко. Наконец, следует упомянуть о дополнительных обстоятельствах, которые также не позволяли первым Атталидам поставить себя вровень с другими династиями Малой Азии. Это не

¹² См., например: [Бикерман, 1985, с. 156. Rostovtzeff, 1930, p. 590; Magie, 1950, p. 728; Kobes, 1996, S. 130–131].

¹³ [Chrubasik, 2013, p. 84–119; Chrubasik, 2016, p. 26–34]. Заметим, что в последней монографии позиция автора по вопросу о соотношении власти Селевкидов и первых Атталидов выражена не столь категорично, но основная идея осталась прежней. Критика данной позиции: [Климов, 2018].

¹⁴ Природным отцом Эвмена I был брат Филетера Эвмен, а матерью – некая Сатира, дочь Посидония (IG XI 4 1107 = Durrbach, 1921, p. 40, No. 33). Об усыновлении Филетером Эвмена I и последним Аттала I см. раздел, посвященный генеалогии династии: [Allen, 1983, p. 181–194].

¹⁵ Эвмен, унаследовав власть над Пергамом, «в это время был даже властителем окружающих местностей, так что вступил в сражение с Антиохом, сыном Селевка, около Сард и победил его» (Strabo. XIII. 4. 2). Возможно, что в число «окружающих местностей» должен быть включен город Питана, над которым Эвмену удалось установить прямой контроль [OGIS 335. III, сткк. 141–142; Allen, 1983, p. 20–21; Климов, 2010, с. 54].

¹⁶ Обзор других надписей: Orth, 2008. Интересно, что в надписях из беотийских Феспий (IG VII 1788–1790) Филетер позиционирует себя как Περυαχεύς, стремясь подчеркнуть свою связь с собственной «столицей».

¹⁷ О границах владения Филетера и Эвмена I см.: [Hansen, 1971, p. 19–20, 22–23; Allen, 1983, p. 25–26; Климов, 2010, с. 53, 56].

просто сомнительное происхождение ее «архегета»: «смутное время» диадохов в принципе открывало широкие перспективы перед самого разного рода авантюристами, чьи родословия, даже будь они не слишком представительны, не являлись непреодолимым препятствием для успешной политической карьеры, хотя быть наполовину варваром и евнухом – это, пожалуй, некоторый «перебор» (вспомним отношение греков к пафлагонцам, наглядно демонстрируемое во «Всадниках» Аристофана). Более важным, как кажется, мог считаться изначально более низкий статус рода Атталидов в целом в сопоставлении с другими эллинизированными династиями Анатолии. В адрес пергамской династии в целом (а не только в отношении отдельных ее представителей, что тоже имело место¹⁸ – но это нередкое явление и в отношении членов других эллинистических царских родов) высказывались систематизированные, целенаправленные и жесткие упреки¹⁹. Потому Филетер и его потомки, как представляется, четко осознавали разницу в политико-правовом положении их собственного рода и старой иранско-анатолийской знати, представлятели которой примерно в это же время возглавили формирующиеся Вифинское, Каппадокийское и Понтийское царства²⁰, не говоря уже о правящих домах великих македонских держав, хотя основатели династии и занимали в северо-западной Малой Азии определенные позиции, связанные с государственным управлением²¹. Кстати, именно в недостатке необходимого авторитета в среде местного малоазийского населения, в отсутствии собственной прочной этнополитической традиции можно видеть основание взятого Филетером и успешно продолженного его преемниками курса на активное сотрудничество с миром греческих полисов в политической, экономической, религиозной и культурной сферах, во многом сформировавшего облик Пергамского царства в целом.

Наконец, следует обратить внимание на такую особенность институализации власти в Пергаме, как значительный временной разрыв²² между достижением *фактической* независимости и принятием *официального* властного титула царя Атталом I (подробнее см. далее). В связи со всем сказанным неудивительно, что Атталиды отказались от установления собственной *династической эры*, в отличие от некоторых других царских домов²³, в том числе малоазийских²⁴. Филетер, будучи номинально зависим от Селевка, су-

¹⁸ Эвмен I будто бы умер от пьянства (Ctesicl. FHG IV. 375 ap. Athen. X. 64 Kaibel). Аттал III, как известно, был и вовсе одним из «записных злодеев» эпохи эллинизма; см. убийственные характеристики (которые, разумеется, необходимо воспринимать не без критики): Diod. XXXIV. 3; Plut. Demetr. 20; Iust. XXXVI. 4.

¹⁹ Можно вспомнить ядовитую эпиграмму грамматика Дафиды, охарактеризовавшего Атталидов как «пурпур рубцов от бича, казны Лисимаха опилки...» (Strabo. XIV. 1. 39; Suida. s.v. Δαφίδα; Val. Max. 1. 8. 8). Об этом сюжете см. [Braund, 1982, p. 355–357]. Ср. указания на недостойное происхождение матери Филетера (см. выше, примеч. 4). См. об антиатталидской пропаганде в целом: [Virgilio, 1993, p. 13–27]. При этом следует обратить внимание на весьма высокие оценки, которые получили некоторые представители пергамского царского рода (прежде всего Аттал I и Эвмен II) в труде Полибия, передавшего, вероятно, позицию придворного историописания Атталидов (XVIII. 41. 9; XXXII. 22. 3–5; XXII. 20. 1–5, др.; также Liv. XLII. 5 – следование Полибию).

²⁰ Атталидов, вопреки их анатолийскому происхождению, следует сопоставлять, пожалуй, не с этими правителями [Billows, 1995, p. 104–107], а с утвердившимися в Малой Азии в ходе войн диадохов мелкими династиями македонского происхождения (Плейстарх, Эвполем, Доким, Лисий, Лимней, Олимпий, Фемисон и др.); в другом наиболее основательном исследовании по данной теме они все перечисляются в одном ряду [Kobes, 1996]. Другое дело, что Атталиды в конечном итоге оказались более умелыми и удачливыми, нежели перечисленные выше македонские правители.

²¹ Это относится не только к самому основателю династии Филетеру, но и к его брату Эвмену, правившему в 270-х гг. Амастрией. Это полис был основан в результате синойкизма четырех общин, в том числе родного городка Атталидов, Тиоса. Амастрия была передана Эвменом во власть правителей Понтийской Каппадокии (Memn. FGrHist. 434 F 9. 4).

²² Более 40 лет, если считать от фактического утверждения Филетера в Пергаме (под протекторатом Селевка I) и около 20 лет после фактической ликвидации этой зависимости Эвменом I, о чем см. далее.

²³ Об идеологическом значении династических эр эпохи эллинизма см. [Savalli-Lestrade, 2010].

²⁴ Вифинская царская эра: [Leschhorn, 1993, S. 178–191; Габелко, 2005(2), с. 136–137; 436–438]; понтийская царская эра: [Габелко, 2017].

дя по всему, использовал эру Селевкидов: именно она употребляется в надписи из северной части стои святилища Деметры в Пергаме, датированной 38 г.²⁵ В широко известном договоре Эвмена I с наемниками (OGIS 266, стк. 10: «как в сорок четвертом году») датировка по ней употреблена лишь ретроспективно, при упоминании события, происшедшего раньше – в 269/268 г., т.е. опять-таки в правление Филетера²⁶. Вполне логично предположить, что она перестала употребляться Атталидами после разрыва отношений между двумя государствами в результате обретения Эвменом I фактической независимости от Антиоха I (подробнее см. ниже); последующие правители перешли к датированию по годам собственного правления. Важно при этом отметить, что подобным образом (годом царствования) датировались документы, исходящие из царской канцелярии (OGIS 331, сткк. 60–61), а также постановления ряда подвластных династии полисов (I.Metropolis. I. В, стк. 1), военных поселений (OGIS 268, сткк. 1–2; 314, сткк. 1–2; 330, сткк. 3), коллегии атталистов (OGIS 325, сткк. 1). При этом многие полисы, в том числе столица царства Пергам, сохранили своих эпонимных магистратов (Пергам: OGIS 265, сткк. 14–15; 323, стк. 1 [восстановлено]; 338, стк. 102; Сест: OGIS 339, стк. 1; Темн: OGIS 265, сткк. 16–17; Метрополь: I.Metropolis. I. А, стк. 1)²⁷.

Весьма показательна также **брачно-династическая политика Атталидов**: только один альянс (между Атталом – отцом Аттала I, и Антиохиой, дочерью Ахея; о нем см. подробно ниже) связывал их с великими эллинистическими державами (так же, впрочем, как и с соседними государствами Малой Азии – брак Эвмена II, а затем Аттала II со Стратоникой – дочерью Ариарата IV Каппадокийского²⁸). Возможно, конечно, что эта ситуация возникла как результат по преимуществу напряженных отношений Пергама с Селевкидами и Македонией (да и с малоазийскими соседями Вифинией и Понтом) – потенциальными «поставщиками невест» для пергамских правителей – на протяжении большей части его независимого существования. Помимо этого, она отчасти стала следствием целой цепи исторических случайностей (относительная кратковременность существования государства, бездетность Филетера, крайне необычная ситуация с браками Эвмена II и Аттала II, дважды женившихся на Стратонике). Но не исключено и то, что такое положение дел определилось в результате базового различия в правовом статусе Атталидов и «нормальных» эллинистических государств.

Здесь самое время подробнее рассмотреть сообщение Синкелла о династии Атталидов, соединяющей воедино хронологический и династический аспекты (Р. 368. 16–17 Mosshammer): 'Η τὸν ἐν Περγᾶμ φ βασιλευσάντων ἐπαύσατο ἡ βασιλείων ἀρχή, διαρκέσασα ἔτη ρνδ' ἀπὸ τοῦ ἐτιγ' κοσμοῦ ἔτους ἕως τοῦ ευξξ', ὡς ἐξῆς δηλωθήσεται. «Прекратилась власть семи царей, царствовавших в Пергаме, составившая 154 года – с года от сотворения мира 5313 до года 5467, как будет разъяснено по порядку». Датировка «от сотворения мира» для эллинистических царей, правивших после Александра Великого и до Августа, ведется от 5493 г. [Перл, 1969, с. 62–63, примеч. 102], и в данном случае она неверна, поскольку относит существование царства Атталидов к периоду 181/180–27/26 гг. Механизм ошибки Синкелла остается совершенно непонятным, хотя приводимые им

²⁵ [Hansen, 1971, 355, n. 8]: исследовательница справедливо отмечает, что если эта надпись была выполнена в 274/273 г., то это хорошо соответствует наиболее авторитетному мнению о строительстве храма Деметры и северной стои именно Филетером. См. новейшее исследование: [Zaon, 2009, p. 26–84, особ. 70–78].

²⁶ Таким образом, здесь мы имеем дело с ситуацией, подобной ссылке на счет лет по селевкидской системе в некоторых парфянских надписях, что сопровождалось указанием *ὡς δὲ πρὸτερον*.

²⁷ Весьма примечательна ситуация с летоисчислением в Метрополе: декрет, изданный в правление Аттала II, датирован пятнадцатым годом его правления (I.Metropolis. I. А, стк. 1). После падения династии и победы на Аристоником было восстановлено датирование по эпонимным магистратам (I.Metropolis. I. В, стк. 1). Декрет коллегии атталистов датирован не только годом правления царя, но также именами собственных эпонимных магистратов коллегии – агонифета и жреца бога Эвмена (OGIS 325, сткк. 2–3).

²⁸ См. о ней и о ее роли в истории династии: [Allen, 1983, p. 200–206; Müller, 1991].

данные, вопреки мнению Г. Перла [Перл, 1969, с. 64, примеч. 109], отнюдь не свидетельствуют в пользу того, что окончание правления пергамских царей следовало бы отнести ко времени Августа. Между тем информация о длительности правления династии в 154 года выглядит вполне достоверной. При этом следует обратить внимание на то, что Георгий Синкелл пишет о семи царях династии, хотя это не совпадает с данными нарративной традиции, переданной Страбоном, который сообщает о шести правителях (XIII. 4. 1–2) и отдельно – в другой части повествования – о претенденте на престол Аристоники (XIV. 1. 38)²⁹. Наиболее убедительное объяснение версии Георгия Синкелла состоит в том, что седьмой царь династии – это именно Аристоник, принявший не только царский титул, но и тронное имя Эвмена III³⁰. Переданная Страбоном нарративная традиция отражает официальную позицию Рима и полисов Малой Азии, не признавших власть узурпатора: в дошедших до нас эпиграфических источниках, исходящих из полисов Малой Азии и Балканской Греции, Аристоник, разумеется, не именуется царем, но лишь назван по имени, причем имя его отца царя Эвмена II также не упоминается, иначе претендент на престол выглядел бы законным правителем (SEG 36. 555, стк. 9; I.Metropolis. I. A, сткк. 15, 44)³¹. Если полагать датой прекращения правления Атталидов 129 г. – время разгрома и пленения Аристоники и образования римской провинции Азия после подавления восстания, что наиболее логично, то начало существования этого правящего дома придется на 283 г.³² С какими же событиями в истории пергамской династии возможно соотнести эту дату?

Традиционно считается, что именно в этом году произошло окончательное отпадение Филетера от Лисимаха, ознаменовавшееся утверждением проселевкидской ориентации пергамского правителя. Действительно, держава Лисимаха была ввергнута в серьезный внутри- и внешнеполитический кризис, проявившийся, в частности, во внутридинастических смутах и в потере контроля над целым рядом малоазийских полисов (Memn. FGrH 434 F 5. 7; Paus. I. 8. 3–5; Iust. XVII. 1. 7–9)³³. Но тем не менее возникает соблазн проверить, не мог ли Синкелл исходить в данном случае из той же логики, которая просматривается в его отношении к другим малоазийским монархиям, т.е. не имеет ли его информация какой-либо «брачно-династической» подоплеки, подобной той, которая присутствует в сообщениях византийского историка о правящих домах Вифинии, Каппадокии и Понта³⁴. Всестороннее рассмотрение данного предположения позволяет, как кажется, выявить некоторые нюансы политико-правовой обстановки, в которой происходило становление эллинистических монархий Малой Азии.

Для данной работы особый интерес представляет явно недооценённое современными исследователями сообщение Страбона, что третий представитель династии, Аттал I, был

²⁹ Отметим, что оба автора имплицитно включают в число царей Филетера и Эвмена I, царским титулом, разумеется, не обладавших; впрочем, это нередкое явление в источниках: Athen. X. 64; XIII. 38 Kaibel.

³⁰ См. об этом переименовании: [Берзон, Габелко, 2018, с. 240].

³¹ Более новое издание надписи: [Merkelbach, 1991, S. 132]. Важно заметить, что в надписи из Метрополя, которая дважды упоминает Аристонику только по имени, как частное лицо, царский статус Аттала III отмечен дважды: I.Metropolis. I. S. 4–11, сткк. 13, 15.

³² [Hansen, 1971, p. 159, n. 154; Allen, 1983, p. 9–11]; Э. Хансен констатирует у Синкелла малопонятный «метахронизм» в 95 лет. 283 год как начало (квази)независимого правления Филетера дает и информация Страбона о том, что тот «был властителем крепости и сокровищ» в течение 20 лет (XIII. 4. 1), а смерть его датируется 263 г.

³³ О трудностях Лисимаха в это время см.: [Mehl, 1986, S. 291–294; Landucci Gattinoni, 1992, p. 215–217; Lund, 1992, p. 200–201; Ogden, 1999, p. 59–62; 65; Делев, 2004, с. 255–261].

³⁴ Как было показано ранее одним из авторов этой работы, приводимые Синкеллом данные о продолжительности правления этих династий имеют смысл только в том случае, если отсчитывать указанные временные отрезки от моментов заключения браков их представителями с членами царского рода Селевкидов: [Габелко 2005(1)]. Очевидно, заключение таких альянсов носило столь необходимый для малых монархий легитимизирующий характер.

сыном Аттала и Антиохиды, дочери Ахея (ἐκ δὲ Ἀττάλου καὶ Ἀντιοχίδος τῆς Ἀχαιοῦ γεγονὼς Ἀτταλός) (XIII. 4. 2)³⁵. Необходимо выяснить время и обстоятельства заключения этого брака, а также его политическое значение. Аттал, отец Аттала I, являлся сыном одноименного брата Филетера³⁶. Происхождение Ахея не вполне ясно, но не подлежат сомнению его (и его потомков) высокий статус, а также родство с Селевкидами; родиться же он мог, как сейчас считается, между 330 и 315 гг. (исходя из «высокой» либо «низкой» хронологии)³⁷. Рождение его дочери Антиохиды относят теперь ко времени ок. 290–285 гг.³⁸, а брак между нею и Атталом – ранее 270 г. (с учетом того, что Аттал I появился на свет в 269 г. – Polyb. XVIII. 41. 8; Liv. XXXIII. 21. 1)³⁹. Эти расчеты не исключают неожиданного на первый взгляд предположения о том, что женитьба Аттала на Антиохиде произошла именно в 283 г., т.е. практически одновременно с признанием Филетером своей зависимости от Селевки. Тем самым информация Синкелла о правлении Атталидов могла бы быть расценена как первый пример отчета «лет царского статуса» правителей малых монархий от установления родства с Селевкидами (подобно тому, как это было с Вифинией, Каппадокией и Понтом)⁴⁰.

Серьезным возражением против данного предположения является то, что Антиохиды на момент своего предполагаемого в данном случае замужества должна была пребывать еще в детском возрасте, что, разумеется, тоже снижает (хотя и не исключает полностью) вероятность ее выдачи за Аттала в тот момент⁴¹. С учетом того, что было сказано ранее о статусе Филетера под властью Селевки и Антиоха, заключение брака Аттала с Антиохидой вряд ли могло рассматриваться как средство «уравнивания» рангов двух государств – в отличие от более поздних примеров с Каппадокией, Понтом и Вифинией, уже обладавших реальной независимостью на протяжении нескольких десятилетий. Для этих государств, кроме того, актуальной была окончательная нормализация политических отношений с Селевкидами, на что и было отчасти направлено заключение новых брачных альянсов; перед Филетером же такая задача на тот момент стоять не могла, так как он был подчинен Селевку. Более убедительным представляется мнение о том, что, выдавая Ан-

³⁵ Этот брак упоминается в посвящении в храм в округе Пергама (совр. Мамурт-Кале): Ἀτταλὸς Φιλεταίρου Ἀντιοχίδα τὴν γυναικα [Allen, 1983, p. 183, No. 15]. Происхождение Аттала I зафиксировано и в надписи с Делоса: [Βασίλειος] Ἀτταλός [Ἀττάλου τ]οῦ Φιλεταίρου [καὶ Ἀντι]οχίδος (IG XI 4. 1108 сткк. 1–3).

³⁶ Видимо, Аттал, отец Аттала I, рано умер, почему наследником Филетера и стал Эвмен I [Hansen, 1971, p. 28–29]. Нам ничего не известно о том, были ли у Эвмена сыновья, или же его двоюродный племянник Аттал являлся на момент его смерти единственным «правомочным» представителем династии и потому был усыновлен Эвменом. Высказывалось предположение, что здесь имел место известный в Малой Азии обычай передачи власти правителем не сыну, а племяннику [Климов, 2010, с. 366–367, 370–371], хотя более вероятно, что такая ситуация могла сложиться в результате стечения ряда обстоятельств, не последнюю роль в котором играло и происхождение Аттала I.

³⁷ О происхождении и статусе Ахея см. новейшую работу: [McAuley, 2018] с предшествующей библиографией.

³⁸ [Seibert, 1967, S. 54, Anm. 31; Billows, 1995, p. 97, n. 50]; последняя версия: [McAuley, 2018, p. 46–47].

³⁹ См., например: [Kobes, 1996, S. 130–131]. Я. Зайберт наряду с этой датой предлагает несколько более ранний момент: ок. 276–274 гг., когда Антиох находился в Сардах [Seibert, 1967, S. 55].

⁴⁰ В любом случае это первый случай «добровольного мезальянса» между македонскими владыками и представителями частично эллинизированной восточной аристократии, когда за представителя последней была выдана женщина царской крови, и он в принципе мог оказать влияние на брачно-династическую политику других малоазийских монархий. Ср. [McAuley, 2018, p. 47]: исследователь говорит в этой связи о браке Антиоха III с понтийской царевной Лаодикой (ок. 220 г.), однако куда уместнее было бы упомянуть ближайший по времени брачно-династический альянс такого рода между Селевкидами и Каппадокией, который был установлен в 260 г. [Габелко, 2005(1), с. 96–97].

⁴¹ В эллинистическом мире, если того требовали обстоятельства, девочек царского рода могли выдавать замуж очень рано. Показательно, что примерно в четырехлетнем возрасте за Эвмена II была выдана упоминавшаяся выше каппадокийская царевна Стратоника (Liv. XXXVIII. 39. 6). Приблизительно столько же лет было Афинаиде, дочери Митридата VI Евпатора, на момент ее бракосочетания с Ариобарзаном (будущим II) Каппадокийским (App. Mithr. 66).

тиохиду замуж за Аттала, Селевк стремился «привязать» пергамского правителя к себе и обеспечить его верность⁴². В свою очередь, для Филетера женитьба одного из представителей семейства на девушке царского рода Селевкидов служила важным средством повышения собственного престижа.

Важно отметить, что отпадение Филетера от Лисимаха произошло еще до начала заключительной кампании Селевка против последнего [Mehl, 1986, S. 290–299]. Вероятно, к этому же, 283 г., или даже к предшествующему времени относятся и первые тайные переговоры Филетера с Селевком: прежде чем восставать против Лисимаха, хранителю сокровищ надлежало заручиться поддержкой мощного союзника, который при этом был бы враждебно настроен по отношению к его прежнему суверену. С учетом всего сказанного, наиболее вероятным представляется, что отсчет «лет царского статуса» Атталидов от 283 г. все-таки не был связан напрямую с заключением брака между Атталом и Антиохидой, состоявшимся, вероятно, несколькими годами позднее. Причиной такой «поощрительной» акции со стороны Антиоха по отношению к своему вассалу могла стать, например, довольно активная поддержка, оказанная Филетером своему суверену в ходе бурных событий начала 270-х гг. (см. выше). Известно, что в Пергамском царстве получило значительное развитие собственное придворное историописание [Hansen, 1971, p. XVII; Allen, 1983, p. 2–3], которое, видимо, и зафиксировало число лет правления каждого из представителей династии. При этом в официальной идеологии немаловажное место было отведено именно Филетеру: его портретное изображение (с диадемой, которой он в действительности не носил!) чеканилось на монетах, начиная с Эвмена I; имя основателя династии получила крепость у горы Ида [OGIS 266, сткк. 21–22, 55; Hansen, 1971, p. 22] и, вероятно, какая-то древняя часть столицы или святилище в ближайших окрестностях Пергама [Hansen, 1971, p. 235, n. 2; 464; Allen, 1983, p. 23, n. 49]. Известно, что в Пергаме в гимнасии было установлено изображение Филетера (AM. 1904. XXIX. S. 152 сл.), в его честь были основаны религиозные празднества Филетерии в Кизике и на Делосе (SIG 3660; BCH. 1908. XXXII. 83). Они были учреждены, скорее всего, при следующих правителях, но в любом случае появление подобных празднеств показывает особый пие-тет к Филетеру как к основателю династии (ср. также выше, примеч. 9). Поэтому с учетом всех известных фактов наиболее логично предполагать, что в основу отсчета «лет царского статуса» в придворной исторической традиции легло событие, положившее начало правлению Филетера; таковым было его отпадение от Лисимаха и формальное признание власти Селевка I. В дальнейшем в придворной историографии последнее обстоятельство было деликатно опущено (оно при последующих правителях действительно утратило свое значение), а вот отказ признавать власть Лисимаха и стал, по всей видимости, формальной точкой отсчета начала правления – как и у некоторых других эллинистических династий (в частности, у самих Селевкидов и в Понте), когда за начало правления брался фактический приход к власти ее основателя в «родовом домене» (причем часто выбранный ретроспективно).

Тем не менее становление Пергама как «настоящей» эллинистической монархии еще не вполне состоялось: его новый правитель пока не носил царского титула. Как уже указывалось, Эвмен I ок. 262 г. одержал победу над Антиохом I (Strabo. XIII. 4. 2)⁴³, получив тем самым, казалось бы, идеальный повод для официального воцарения. Классический прецедент такого рода – провозглашение царем Зипойта Вифинского после победы над

⁴² См. об этом: [Seibert, 1967, S. 54; McAuley, 2018, p. 46–48; Климов, 2010, с. 14]. Стоит заметить в этой связи, что замуж за Аттала была выдана представительница *побочной* ветви царского дома, хотя это могло объясняться и тем, что на тот момент у Селевкидов просто не было иной кандидатуры для заключения такого альянса [Seibert, 1967, S. 54].

⁴³ Словоупотребление географа дает понять, что Эвмен одержал победу над самим Антиохом. Владения пергамского правителя после этого еще более расширились [Hansen, 1971, p. 22].

Лисимахом (297 г.)⁴⁴. Особо важно то, что Зипойт нанес поражение властителю македонского происхождения, носителю царского титула, претендовавшему на вифинские земли и даже, возможно, *de iure* (с точки зрения македонян) считавшимся их повелителем. Если полагать, что Антиох I, выступив против Эвмена I, пытался восстановить ускользающий от него контроль над Пергамом, то параллель между борьбой Вифинии против Лисимаха и Эвмена против царя-Селевкида выглядит чрезвычайно близкой. Тем не менее Эвмен I, ознаменовав надлежащим образом свою победу⁴⁵, все-таки не считал возможным провозгласить себя царем. Причиной этого могла быть, конечно, последующая (относительная) вполне вероятная нормализация его отношений со взойшедшим на престол новым монархом, Антиохом II: поскольку за весь последующий 20-летний период правления Эвмена I никаких его конфликтов с Селевкидами не зафиксировано, допустимо предположить достижение двумя правителями определенного консенсуса – признание независимости Пергама *de facto* без предоставления Эвмену царского титула и с соблюдением *status quo*. Однако более вероятным кажется видеть здесь осознанный выбор самого пергамского правителя: он не мог не учитывать всё тот же «случайный» характер прихода своего рода к власти, его (и конкретно свой собственный) изначально низкий статус, по-прежнему несоответствующий возрастающим амбициям и реально увеличившемуся военно-политическому потенциалу государства. Выглядит весьма вероятным, что известный по надписи OGIS 266 конфликт Эвмена I с наемниками был вызван нежеланием воинов пергамского правителя воевать против законного, с их точки зрения, суверена – Антиоха I (и в этом случае само это событие следует датировать все тем же, 262 г., причем временем *do* сражения в окрестностях Сард)⁴⁶. Эвмен проявил себя весьма энергичным, умелым и удачливым государственным деятелем и военачальником: он сумел успешно разрешить спор с солдатами, разбить Селевкида и в конечном итоге обеспечить безопасность своего государства и расширить его территорию – но всего этого, очевидно, с его точки зрения, было недостаточно для возложения на себя царской диадемы.

Эту задачу суждено было решить уже следующему правителю Пергама – Атталу I. Важнейшей и до сих пор не оцененной в полной мере в историографии предпосылкой этой акции нам кажется само происхождение Аттала: по материнской линии он был, как мы подчеркивали ранее, Селевкидом. Таким образом, династические связи с ведущей династией Азии сыграли весьма значительную роль в истории дома Атталидов – как и у других анатолийских монархий, хотя проявилось это много позже после их непосредственного установления. Своим происхождением от женщины царского рода Аттал, в отличие от Филетера и Эвмена, уравнивался с другими царями эллинистического мира и выглядел в их глазах не бастардом, не безродным выскочкой, но персоной царской крови и наследным владельцем страны. Тем не менее и здесь всё оказывается сложнее, чем выглядит на первый взгляд.

Античные авторы дают понять, что Аттал I принял титул βασιλεύς, нанеся жестокое поражение галатам (Polyb. XVIII. 41. 7⁴⁷; Liv. XXXIII. 21. 1–3⁴⁸; Strabo. XIII. 4. 2⁴⁹; о по-

⁴⁴ См. подробнее: [Габелко, 2005(2), с. 135–137]. Это событие стало поводом для учреждения вифинской династической эры.

⁴⁵ Им была воздвигнута статуя Афины Полиады (I.Pergamon 15), а также изменено изображение на монетах: место портрета Селевка I занял профиль основателя династии, Филетера, увенчанного лавровым венком.

⁴⁶ Такая трактовка надписи будет детально обоснована О.Ю. Климовым в специальной работе.

⁴⁷ «Он начал с победы в сражении над галатами, в то время сильнейшим и воинственнейшим народом в Азии, и тогда впервые проявил себя царем» (νικήσας γὰρ μάχη Γαλάτας, ὃ βαρύτατον καὶ μαχίμωτατον ἔθνος ἦν τότε κατὰ τὴν Ἀσίαν, ταύτην ἀρχὴν ἐποιήσατο καὶ τότε πρῶτον αὐτὸν ἔδειξε βασιλεῖα). Необходимо подчеркнуть, что здесь не сказано прямо о *формальном воцарении* Аттала (как, видимо, считает Р. Аллен: [Allen, 1983, p. 31–32]): речь идет только о совершении им деяний, достойных царя.

беде над галатами вообще, без упоминания провозглашения царем: Polyae. IV. 20 [здесь Аттал уже значится царем еще до сражения]; Trog. Proleg. 27; Paus. I. 25. 2; Front. Strat. II. 13. 1). Этот сюжет, хотя он досконально изучен в историографии, все-таки требует специального рассмотрения, при котором в имеющейся у нас информации могут быть выявлены некоторые неоднозначные детали. Сообщение Полибия, будто Аттал оставался в царском звании сорок четыре года из семидесяти лет жизни (XVIII. 41. 8; также Liv. XXXIII. 21. 1 – в почти дословном переводе пассажа Полибия [1–5], но с указанием, что Аттал скончался на семьдесят втором году жизни; ср. Strabo. XIII. 4. 2, где говорится о 43 годах царствования), если принять во внимание, что умер он в 197 г., дает в качестве года принятия им царского титула 241 г. – т.е. первый же год пребывания Аттала у власти в Пергаме, что выглядит несколько подозрительно, ибо подразумевает слишком уж большую плотность событий. Данная констатация оставляет возможность того, что у всех античных авторов здесь говорится лишь об *общей протяженности его правления*, а не о моменте формального воцарения, который мог ускользнуть от внимания античных историков в ходе бурных событий 240–230-х гг. Постараемся аргументировать эту мысль.

Во-первых, некоторые основания считать так дает сама письменная традиция. Так, Ливий, в основном следующий в данной части своего труда Полибию, сообщает, что еще до победы над галатами Аттал отказался выплачивать галатам дань (XXXVIII. 16. 14), как, вероятно, это были вынуждены делать его предшественники; соответственно можно предполагать некоторый промежуток времени как минимум между приходом нового правителя к власти и последующим столкновением с варварами, вероятно возмущенными его действиями⁵⁰. Кроме того, разница в указании продолжительности жизни и царствования Аттала у Полибия, Ливия и Страбона, хотя и незначительная, показывает, что у античных авторов не было полностью единого мнения по этим вопросам.

Помимо нарративной традиции, о победах Аттала над галатами сообщают эпиграфические памятники. Они заслуживают особого внимания. Об этих победах упомянуто в сделанных Атталом посвящениях Афине Nikephore и Зевсу, представляющих собой единый монументальный комплекс (OGIS 269, 272–279, ср. 280); он был воздвигнут после серии блестящих военных побед Аттала, который во всех надписях именуется себя царем. Наиболее детально данные памятники были проанализированы Э. Хансен⁵¹ и Р. Алленом [Allen, 1983, 28–36; 195–199]. Британский исследователь с полным основанием отмечает, что необходимо проводить различие между теми сражениями, которые велись пергамским правителем против галатов, и теми, в которых кельты выступали союзниками или наемниками Селевкида Антиоха Гиеракса⁵². Наиболее значимой, очевидно, была победа,

⁴⁸ «Царь Аттал... скончался на семьдесят втором году жизни, процарствовав сорок четыре года... Он... добился того, чтобы сначала сам он, а потом и другие увидели в нем достойного царя. Он принял это звание после того, как в одном сражении разгромил галлов...» (пер. С.А. Иванова с изменением). (Attalus rex... moritur altero et septuagesimo anno, cum quattuor et quadraginta annos regnasset... effecit primum ut sibi deinde ut aliis non indignus uideretur regno. uictis deinde proelio uno Gallis... regium adsciuit nomen).

⁴⁹ «Аттал, сын Аттала и Антиокиды, дочери Ахея, наследовал трон и первый был провозглашен царем после победы в большом сражении с галатами...» («Ἀττάλος διεδέξατο τὴν ἀρχὴν, καὶ ἀνὴγορεύθη βασιλεὺς πρῶτος νικῆσας Γαλάτας μάχῃ μεγάλῃ»).

⁵⁰ Р. Аллен не без оснований полагает, что в начале своего правления Атталу было необходимо собрать войско – вероятно, по преимуществу наемное, на что требовались время и деньги [Allen, 1983, p. 33]. Вспомним в этой связи замечания источников о богатствах Аттала как средстве достижения царской власти (Polyb. XVIII. 41. 2–5; Liv. XXXIII. 21. 2).

⁵¹ [Hansen, 1937]: здесь надписи и связанные с ними события были расположены в верной хронологической последовательности.

⁵² [Allen, 1983, 30]. О галатах толистоагиях говорится в OGIS 269 и 276, о толистоагиях, тектосагах и Антиохе – в 275, об Антиохе – в 271, 274, 278 и 279. В OGIS 272 и 277 противниками Аттала названы династ Лисий и стратеги Селевка II.

одержанная над толистоагиями у истоков р. Каик (OGIS 269), но ее время определить с точностью не удастся. Вместе с тем Р. Аллен отмечает некоторую условность информации Полибия о 44-летнем периоде царствования Аттала: здесь явно имеет место определенное «сжатие» хода событий, не позволяющее проследить эволюцию *dynasteia* Аттала в *basileia* [Allen, 1983, p. 197]. Всё это приводит ученого к выводу о датировке разгрома Атталом толистоагиев временем ок. 238–237 гг. [Allen, 1983, p. 198] Тем самым он вполне логично не полностью принимает данные античной традиции, которые, как было показано выше, довольно противоречивы⁵³, однако не оспаривает принципиально проводимой античными писателями мысли относительно обусловленности провозглашения Аттала царем именно его победой над галатами. Между тем эта связь могла закрепиться в общественном сознании современников и последующих поколений ввиду масштабной пропагандистской кампании, осуществляемой самим Атталом, а затем его сыном и наследником Эвменом II, целью которой было представить пергамских царей защитниками греков Малой Азии и всего цивилизованного мира от варваров-кельтов (Polyb. XVIII. 41. 9; RC. 52, стк. 5–21)⁵⁴. На деле же нельзя исключать и того, что поводом к официальному принятию царского титула Атталом могла стать первая (или наиболее значимая?) из побед над выступившим вместе с галатами Селевкидом (фактически царем⁵⁵) Антиохом Гиераксом, что вполне соответствовало утвердившейся в эллинистической политике парадигме.

Такую же гипотезу высказал Р. Смит по поводу скульптурного портрета, который предположительно считается изображением Аттала I (Cat. No. 28). Портрет этот дошел в двух версиях, причем во второй версии добавлены перевязанные диадемой локоны. Р. Смит считает, что портрет был выполнен еще до принятия Атталом I царского титула, но прическа изменена после официального воцарения. Поводом к официальному принятию царского титула Атталом, по мнению исследователя, как раз и могла стать первая из побед над выступившим вместе с галатами Антиохом Гиераксом⁵⁶.

Принятие царского титула Атталом I имело следствием значительные перемены во внутренней и внешней политике государства. Одним из важнейших изменений стало утверждение особой государственной идеологии, направленной на прославление царя, его власти и военной доблести. Важнейшими аспектами этой политики явились формирование царского культа [Климов 2017], создание фиктивной родословной, возводящей род Атталидов через героя Телефа к Гераклу и, следовательно, к Зевсу, возвышение культа богини Афины Никефоры как покровительницы династии и ее побед [Kosmetatou, 2005, p. 167–173; Климов, 2010, с. 307–308; 316–318]. Аттал I первым из правителей малых эллинистических государств принял почетное тронное имя, назвавшись «Сотером» – до того это была «привилегия» только Селевкидов и Птолемеев⁵⁷.

Наконец, новое властное положение Аттала могло повлиять и на имидж и даже на наименование пергамской династии в целом. Ее название, встречающееся в источниках, образовано по схеме, отличной от наиболее распространенных образцов (см. выше, при-

⁵³ Добавим сюда и неточность Ливия, говорящего о разгроме Атталом галлов в одном сражении, тогда как в действительности их было несколько.

⁵⁴ Климов, 2010, с. 64, 109–110, 331–333.

⁵⁵ В надписях, где упомянуты победы над ним (см. выше, примеч. 52) Антиох, разумеется, не назван царем: эллинистические монархи, как правило, отказывали в праве именоваться так своим побежденным врагам. О властном статусе и карьере Антиоха Гиеракса см. [Chrubasik, 2016, особ. p. 72–81].

⁵⁶ [Smith, 1988, p. 79–81]; ср. [Virgilio, 1993, p. 30–31; 53]. Впрочем, прямо доказать эту заманчивую гипотезу не удастся.

⁵⁷ См. [Muccioli, 2013, p. 168]. Крайне показательно, что и Ариарат IV Каппадокийский, родившийся в браке Ариарата III и селевкидской принцессы Стратоники, сразу по воцарении в 220 г., как свидетельствуют монеты, принял почетное имя «Евсевий», до того в эллинистическом мире не встречавшееся. Это был первый тронный эпитет в династии Ариаратидов [Muccioli, 2013, p. 311–312].

меч. 1), и звучит как Ἀτταλικοί, причем так называет их только уроженец Малой Азии Страбон, хорошо знакомый с пергамской историей: VI. 4. 2; XII. 3. 8; 4. 3; 5. 1; 5. 3; XIII. 1. 14; 1. 54; 3. 5; 4. 1; ср. у латинских авторов производное от него reges Attalici – Cic. Agr. II. 50; Hor. Od. I. 1. 12; Iust. XXXVIII. 7. 7; Vitruv. II. 8. 9; VII. 4. Следует принять его буквальный перевод как «атталовские» (в переводе Стратановского иногда – «атталийские цари»), и такой необычный нюанс может указывать на связь данного наименования именно с Атталом I, который первым принял титул царя, как это полагал еще Дж. Кардинали [Cardinali, 1906, p. 4, n. 6]⁵⁸. Более того, в ряде случаев (Strabo. XII. 4. 3; XIII. 1. 54) у географа однозначно подразумеваются только сыновья Аттала I, первого представителя династии, принявшего царский титул, – Эвмен и Аттал, ставшие впоследствии царями, а также Филетер и Афиней; их правление иногда характеризуется практически как «корпоративное царствование» [Leschhorn 1996].

Рассмотренные в данной статье проблемы пока не могут получить окончательного решения вследствие недостатка и противоречивости источников, но при этом они весьма важны для понимания сложного процесса становления раннеэллинистической государственности. Весь проанализированный материал подтверждает известный постулат о том, что эллинистическая монархия, с одной стороны, представляла собой универсальный политический институт, доминировавший на всем пространстве эллинистического мира. С другой стороны, эта государственная система, формировавшаяся в разных регионах эллинистического мира, приобретала собственные своеобразные черты и особенности, яркие примеры чего как раз и предоставляет история Пергамского царства: для становления его государственности понадобились целенаправленные усилия трех первых представителей династии, предпринимавших порой весьма неожиданные шаги как для фактического усиления своего властного положения, так и для обоснования его законности с помощью идеологических и пропагандистских средств.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ/ ABBREVIATIONS

AM – *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. Athen.

BCH – *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Paris.

CIG – Boeckh A. *Corpus inscriptiones Graecarum*. Vol. I–IV. Berolini, 1828–1877.

FGrH – Jacoby F. *Die Fragmente der Griechischen Historiker*. Berlin; Leiden, 1923–...

IG – *Inscriptiones Graecae*. Berolini.

IPergamon – *Die Inschriften von Pergamon*. Bd. 1. / Hrsg. von M. Fraenkel. Berlin: W. Spemann, 1890.

IMetropolis – *Die Inschriften von Metropolis*. Teil I. *Die Dekrete für Apollonios: Städtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom*. / Hrsg. von B. Freyer und H. Engelmann. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2003.

LGPN IV – P.M. Fraser, E. Matthews, R.W.V. Catling (eds.). *Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005.

OGIS – *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. 1–2. / Ed. W. Dittenberger. Leipzig: S. Hirtzel, 1903–1905.

RC – *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. / Ed. C.B. Welles. Roma: “L’Erma” di Bretschneider, 1966.

⁵⁸ По мнению Э. Хансен, «династия была так названа потому, что трое из шести ее членов носили имя Аттал» [Hansen, 1971, p. 14, n. 48]. Это вряд ли: эллинистические династии по такому принципу не именовались и, скажем, в доме Селевкидов 14 царей носили имя Антиох и только 7 – Селевк. Еще один вариант происхождения имени династии, предлагаемый, например, Г. Бенгтсоном [Бенгтсон, 1982, с. 274]: поскольку отца Филетера звали Атталом, то это имя и стало родовым – тоже не выглядит убедительным, хотя бы потому, что об отце Филетера практически ничего не известно, и, более того, как уже не раз отмечалось ранее, именно Филетер назван ὁ ἀρχηγὲς τοῦ τῶν Ἀτταλικῶν γένους – т.е. сам он, будучи сын Аттала «Нулевого», к Атталидам в узком смысле тем не менее не относится, являясь их предшественником.

SEG – *Supplementum epigraphicum Graecum*. Leiden.

Syll.³ – *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Ed. 3. Vol. 1–4 / Ed. W. Dittenberger. Leipzig: S. Hirtzel, 1915–1924.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бенгтсон Г. *Правители эпохи эллинизма*. М.: Наука, 1982 [Bengtson H. *The Rulers of the Epoch of Hellenism*. Moscow: Nauka, 1982 (Russian translation)].

Берзон Е.М., Габелко О.Л. МΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ как средство династической политики в эллинистическом мире. *Вестник древней истории*. 2018. Т. 78. № 2. С. 234–256 [Berzon E.M., Gabelko O.L. ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ as a Means of Dynastic Politics in the Hellenistic World. *Vestnik drevnej istorii* (Journal of Ancient History). 2018. No. 2. Pp. 234–256 (in Russian)].

Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. М.: Наука, 1985 [Bikerman E. *The Seleukid State*. Moscow: Nauka, 1985 (Russian translation)].

Габелко О.Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла. О.Л. Габелко (ред.). *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал*. Вып. 1. *Эллинистический мир: единство многообразия*. Казань; Нижний Новгород; Саратов. 2005(1). С. 86–106 [Gabelko O.L. The Dynastic History of the Hellenistic States of Asia Minor by Data of “Chronography” of Synkellos. O.L. Gabelko (ed.). *Antiquitas aeterna. The Volga Region Classical Journal*. No. 1: *The Hellenistic World: The Unity of the Diversity*. Kazan; Nizhny Novgorod; Saratov, 2005(1). Pp. 86–106 (in Russian)].

Габелко О.Л. *История Вифинского царства*. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2005(2) [Gabelko O.L. *The History of the Bythinian Kingdom*. SPb.: Publishing Center “Humanitarian Academy”. 2005(2) (in Russian)].

Габелко О.Л. Некоторые тенденции в изучении истории древних кельтов (По материалам двух недавних конференций). *Аристей*. 2014. Т. X. С. 365–388 [Gabelko O.L. Some Tendencies in the Studies of the History of the Ancient Celts (On the Materials of Two Recent Conferences). *Aristeas*. 2014. Vol. X. Pp. 365–388 (in Russian)].

Габелко О.Л. «...Κατὸς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: еще раз о датировке и интерпретации IOSPE I² 402. Д.А. Костромичев. *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года*. Саки: ИП Бровко А.А., 2017. С. 47–52 [Gabelko O.L. «...Κατὸς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: Once Again on the Dating and Interpretation of IOSPE I² 402. Kostromichev D.A. (ed.). *Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the International Conference. Sevastopol, 10–12 October, 2017*. Saki: Brovko A.A., 2017. Pp. 47–52 (in Russian)].

Делев П. *Лизимах*. София: Университетско издание «Св. Климент Охридски», 2004 [Delev P. *Lysimachos*. Editorial House of “St. Clemens of Ochrid” University, 2004 (in Bulgarian)].

Климов О.Ю. *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010 [Klimov O.Yu. *The Kingdom of Pergamon: Political Institutions and History*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts; Nestor-Istoriia, 2010 (in Russian)].

Климов О.Ю. Царский культ в Пергамском государстве. «Боги среди людей». *Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). М.; СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. С. 476–515 [Klimov O.Yu. Royal Cult in the Pergamon Kingdom. S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.). “The Gods among the People”. *The Ruler Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Royal World*. Moscow; St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publishing House, 2017. Pp. 476–515 (in Russian)].

Климов О.Ю. Некоторые замечания о власти Атталидов и Селевкидов в западной части Малой Азии в III в. до н.э. (в связи с гипотезой Б. Хрубасика). *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2018. Вып. 18, № 1. Pp. 339–350 [Klimov O.Yu. Some Remarks Concerning the Rule of the Attalids and Seleucids in the Western Part of Asia Minor in the 3rd c. B.C. (about the hypothesis by B. Chrubasik). *Mnemon. Investigations and Publications on the Ancient History*. 2018. Vol. 18, No. 1. Pp. 339–350 (in Russian)].

- Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств. *Вестник древней истории*. 1969. № 3. С. 39–69 [Perl G. The Eras of Bithynian, Pontic and Bosporan Kingdoms. *Journal of Ancient History*. 1969. No. 3. Pp. 39–69 (in Russian)].
- Allen R.A. *The Attalid Kingdom. A Constitutional History*. Oxford: Clarendon Press, 1983.
- Billows R.A. *Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York; Koln: E.J. Brill, 1995.
- Braund D.C. Three Hellenistic Personages: Amyntander, Prusias II, Daphidas. *Classical Quarterly*. 1982. Vol. XXXII. No. 2. Pp. 350–357.
- Cardinali G. *Il regno di Pergamo*. Roma: Ermano Loescher, 1906.
- Chrubasik B. The Attalids and the Seleukid Kings, 281–175 BC. P. Thonemann (ed.). *Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State*. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 84–119.
- Chrubasik B. *Kings and Usurpers in the Seleucid Empire. The Men Who Would be King*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Durrbach F. *Choix d'inscriptions de Délos*. Paris: Georg Olms Verlag, 1921.
- Hansen E.V. The Great Victory Monument of Attalus I. *American Journal of Archaeology*. 1937. Vol. 41, No. 1. Pp. 52–55.
- Hansen E.V. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca: Cornell University Press, 1971.
- Imhoof-Blümer F. *Die Münzen der Dynastie von Pergamon*. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1884.
- Kobes J. “Kleine Könige”. *Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien*. St. Katarinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1996.
- Kosmetatou E. The Attalids of Pergamon. A. Erskine (ed.). *A Companion to the Hellenistic World*. Blackwell Publishing, 2005. Pp. 159–174.
- Landucci Gattinoni F. *Lisimaco di Tracia. Un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo*. Milano: Editoriale Jaca Book, 1992.
- Leschhorn W. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993.
- Leschhorn W. Die Königsfamilie in der Politik. Zur Mitwirkung der Attalidenfamilie an der Regierung des Pergamenischen Reiches. W. Leschhorn, A.V.B. Miron, A. Miron (Hrsg.). *Hellas und die griechischen Osten*. Saarbrücken, SDV Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1996. S. 79–98.
- Lund H.S. *Lysimachus. A Study in Early Hellenistic Kingdom*. London; New York: Routledge, 1992.
- Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Vol. 1–2. Princeton: Princeton University Press, 1950.
- McAuley A. The House of Achaïos: Reconstructing an Early Client Dynasty of Seleukid Anatolia. K. Erickson (ed.). *The Seleukid Empire, 281–222 BC: The War within the Family*. Swansea: Classical Press of Wales, 2018. Pp. 37–58.
- McShane R. *The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum*. Urbana: The University of Illinois Press, 1964.
- Mehl A. *Seleukos Nikator und sein Reich*. Lovanii: E. Peremans, 1986.
- Merkelbach R. Epirotische Hilfstruppen im Krieg der Römer gegen Aristonikos. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1991. Bd. 87. S. 132.
- Muccioli F. *Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013.
- Müller H. Königin Stratonike, Tochter des Königs Ariarathes. *Chiron*. 1991. Bd. 21. S. 393–424.
- Newell E.T. *The Pergamene Mint under Philetaïrus*. New York: American Numismatic Society, 1936.
- Ogden D. *Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties*. London: Duckworth with the Classical Press of Wales, 1999.
- Orth W. Der Dynast Philetaïros von Pergamon als Wohltäter. E. Winter (Hrsg.). *Vom Euphrat bis zum Bosphorus: Kleinasien in der Antike. Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag*. Bd. II. Asia Minor Studien. 65. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 2008. S. 485–497.
- Rostovtzeff M.I. Pergamum. *The Cambridge Ancient History*. 1st ed. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. Pp. 590–618.
- Savalli-Lestrade I. Les rois hellénistiques, maîtres du temps. I. Savalli-Lestrade, I. Cogitore (éds.). *Des Rois au Prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et romain (IVe s. av. J.-C. – IIe s. après J.-C.)*. Grenoble: ILLUG, 2010. Pp. 55–83.

- Seibert J. *Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit*. Weisbaden: F. Steiner, 1967.
- Smit R.R.R. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
- Virgilio B. Gli *Attalidi di Pergamo. Fama, eredità, memoria*. Pisa: Giardini, 1993.
- Westermarck U. *Das Bildniss des Philetairos von Pergamon. Corpus der Münzprägung*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1961.
- Zanon C.P. *The Sanctuary of Demeter at Pergamon: Architecture and Dynasty in the Early Attalid Capital*. Diss. Pittsburgh University, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ГАБЕЛКО Олег Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

КЛИМОВ Олег Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Oleg L. GABELKO, Doctor of History, Professor with the Department of Ancient History, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Oleg Yu. KLIMOV, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Ancient Greek and Roman Studies, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.